

Хань Ци, будучи старше и опытнее, тотчас подал голос:

— Сегодня в пороховой мастерской также присутствовал мастер. Государю стоит вызвать его и спросить, случались ли там за годы какие-либо беды?

Чжао Сюй сглотнул и поспешил приказать привести того мастера. Неизвестно, от страха ли при поджоге или ещё почему, но мастер шёл прихрамывая, весь в пыли, и лишь подойдя к трону, сначала в величайшем смятении бросил взгляд на молодого даоса и лишь потом поклонился Государю.

— Ты служишь в пороховой мастерской немало лет. Случались ли там какие-либо происшествия? — С таким мастером не нужно было церемониться. Чжао Сюй не стал ходить вокруг да около и сразу спросил.

— Доложу вашему величеству, нижний служит в мастерской уже десять лет, всегда действовал с осторожностью. За это время случилось лишь шесть пожаров, и все их потушили вовремя. Несколько мастеров пострадали, но никто не погиб, — мастер поспешно ответил. В этом он был уверен, ведь за его время не было ни одной человеческой жертвы, что было куда лучше, чем при его предшественнике.

Шесть пожаров! Чжао Сюй глубоко вдохнул:

— А если заменить состав на взрывчатку, будут ли жертвы?

Мастер, услышав это, оцепенело посмотрел на Государя, потом обернулся к далёкому холму, вершину которого сровняло с землёй, и его лицо мгновенно позеленело:

— Эта... эта взрывчатка боится огня...

Обычный порох при попадании открытого огня просто горит быстрее, и пламя трудно контролировать, к тому же иногда появляется ядовитый дым. А если эта взрывчатка загорится, неужто всю мастерскую сравниют с землёй? Стоп, неужели с этих пор эта ужасная взрывчатка будет под надзором у него? Одна мысль об этом заставила мастера дрожать в коленях, и он едва не рухнул на землю.

Если даже человек, который ежедневно обращается с порохом, был напуган до такой степени, разве сановники и Государь могли не понимать, что даос сказал чистую правду?

Хань Ци принял решение мгновенно:

— Пороховую мастерскую следует вывести из ведения Управления вооружений и лучше разместить за пределами города.

Какой сановник не живёт в Восточной столице? Кто согласится держать рядом с собой угрозу, которая может взорваться в любой момент? Другие тоже тут же поддержали, и каждый лишь сожалел, что мастерскую нельзя перенести в самую глушь гор.

Чжао Сюй тихо вздохнул:

— Тогда учрежу Мастерскую всеобщего оснащения осадных орудий, которая будет заниматься исключительно созданием огнестрельного оружия. Разместим её в Северном предместье.

В окрестностях Восточной столицы не было гор, но в Северном предместье располагались

несколько обширных императорских садов, где можно было найти безлюдное место для завода.

Когда всё было решено, Чжао Сюй посмотрел на молодого даоса и почувствовал ещё большее расположение. Если бы не его предупреждение, мастерскую по изготовлению взрывчатки действительно могли бы разместить во Внутреннем городе, и тогда пострадал бы даже дворец. Во времена правления императора Жэнь-цзуна во дворце случился большой пожар, уничтоживший неизвестно сколько дворцов. Сейчас времена не те, и случись неполадка, у него даже не было бы денег на восстановление дворца.

Кхм. Чжао Сюй мягко произнёс:

— Взрывчатка создана руками наставника, и во всём Поднебесной никто не знает её природы лучше вас. В пороховую мастерскую вам ходить не обязательно, но надеюсь, что наставник согласится наставлять мастеров, дабы избежать несчастий.

Это было вполне приемлемо. Безопасность производства — вещь необходимая. Раз уж он отдал рецепт, нельзя же было подвергать мастеров опасности. Чжэнь Цюн просто кивнул:

— Если только не нужно там постоянно сидеть, то я согласен.

Он ведь действительно воспринял слова «сидеть во главе» буквально. Все старые сановники не знали, что и сказать.

Чжао Сюй лишь сейчас понял это и рассмеялся, подумав немного, добавил:

— За такой великий подвиг грешно награждать лишь золотом и серебром. Как раз настоятель храма Ваньсуй в годах, почему бы наставнику не занять его место и предаться созерцанию Дао?

Как только прозвучали слова «храм Ваньсуй», многие министры нахмурили брови. Этот храм имел большие заслуги, его предшественником был Дворец Юйцин Чжаоин, построенный императором Чжэнь-цзуном у ворот Тяньбо. В то время на строительстве было занято тридцать-сорок тысяч рабочих, затраты были неисчислимы, и это был храм, где Чжэнь-цзун хранил «Небесную книгу». Однако после кончины Чжэнь-цзуна храм пострадал от спустившегося с небес огня и был разрушен, остались лишь два небольших зала, которые переименовали в храм Ваньсуй.

Это был храм, лично построенный покойным императором, но из-за дурной славы в последние годы он не удостоивался внимания и считался уединённым местом в Восточной столице. Если действительно назначить этого молодого даоса настоятелем храма Ваньсуй, его статус и положение сразу изменятся. Это был дурной знак, неужели этот Сын Неба хочет походить на прежнего «Императора-даоса» и позволит этому даосу сеять хаос в управлении государством?

Вэнь Яньбо тут же выступил вперёд:

— Государь, этого нельзя...

Он не успел договорить, как Чжэнь Цюн уже ответил:

— Государь, я принимаю вашу доброту, но от храма придётся отказаться. Мне в доме семьи Хань живётся очень хорошо.

У Вэнь Яньбо голос сорвался, и он издал странный звук, как у задушенной курицы. Все

невольно перевели взгляды на молодого даоса внизу. Неужели он не знает, какой смысл несёт в себе «храм Ваньсуй»? Такую высокую награду и он отказывается? Он настоящий глупец или притворяется?

Чжао Сюй, возможно, потому что его уже отказывали много раз, не воспринял это как обиду, а лишь стал уговаривать:

— Семья Хань — всего лишь купеческий род, как они могут обеспечить наставнику условия для углублённого постижения Дао? Переберитесь во дворец, все расходы возьмёт на себя двор, будет ежемесячное жалование и милости, разве это не лучше?

Он уже понял, что этот даосский наставник довольно ценит деньги, потому сразу попытался соблазнить его выгодой.

На месте любого другого, возможно, и соблазнились бы, но Чжэнь Цюн с гордостью выпрямился:

— Мы с господином Хань Мяо любим друг друга, как же нам жить отдельно? Лучше уж оставаться в усадьбе Хань.

Мы... любим друг друга...

Не то чтобы Сын Неба и министры, но даже прислуживающие евнухи не могли удержаться и украли взгляд на молодого даоса. Господин Хань Мяо ведь мужчина, правда? Этот даосский наставник ради одного мужчины отказывается даже от милости Сына Неба?

Чжао Сюй просто потерял дар речи. Разве школа Золотой пилюли не проповедует воздержание и пост? Откуда это?

Рядом Хань Ци покашлял:

— Наставник Чжэнь ещё не получил даосского удостоверения, а его учения отличаются от других. Вероятно, он человек вольнолюбивый и не выносит стеснений.

Даже если он уже слышал признание Хань Мяо, он и не думал, что этот малый будет так прямо говорить перед Сыном Неба. В этот момент ему приходилось как-то выкручиваться и сглаживать углы.

То... то есть верно. Без даосского удостоверения он не считался настоящим монахом, и мирскому даосу найти партнёра — разве это грех? К тому же наставник Чжэнь уже говорил, что постигает учения из «Канона Творения», что отличает его от обычных даосов. В этом деле действительно невозможно придаться.

Долго молчал Чжао Сюй, затем открыл рот:

— Что ж, если не хотите переселяться в храм, я жалую вам колесницу и стражу для охраны. Когда будете наставлять в Управлении вооружений, вам также будут положены рис и жалование...

Это было хорошо! Чжэнь Цюн тут же ответил:

— Благодарю Государя!

Ладно, хоть согласился. Чжао Сюй наконец выдохнул и поспешил велел людям вынести

награды, а также выбрал четырёх толковых и способных стражников и пожаловал их Чжэнь Цюну. Неудивительно, что Чжао Сюй был так напряжён: взрывчатка затрагивает слишком многое, её ни в коем случае нельзя выпускать за пределы. Пустить этого даоса на волю — значит не иметь покоя на сердце.

Хотя награды были лишь скудными вещами и никакой реальной выгоды не принесли, этот даосский наставник выглядел бесконечно довольным. Глядя на удаляющуюся фигуру, Чжао Сюй немного погрустнел, вдруг вспомнив о чём-то, спросил:

— Министр Хань, владелец лавки семьи Хань приходится тебе родственником?

— Именно, это племянник вашего старого слуги. Некогда он даже входил во дворец, чтобы преподнести серебряное зеркало, — невозмутимо ответил Хань Ци.

Слова «серебряное зеркало» заставили Чжао Сюй вспомнить о чём-то. Кажется, императрица призывала того парня из семьи Хань во дворец, чтобы наградить за прекращение использования свинца и ртути. Это было делом, касающимся наследника престола, и именно благодаря тому парню здоровье наложниц во дворце значительно улучшилось.

Лицо его стало ещё мягче, Чжао Сюй кивнул:

— Министр Хань, твой род — истинно верные слуги.

Такая похвала была высшей похвалой. Сзади на него летели немые взгляды-удары, но Хань Ци стоял неподвижно:

— Это также благодаря мудрости Государя и покровительству Небес.

Разве не покровительство Неба, когда есть такие двое? Только одного взрывчатки достаточно, чтобы никто не мог поколебать его положение. К слову, дела Императорской академии в последнее время тоже продвигаются, верно? Хань Мяо не похож на этого даоса, у него проницательный ум, он наверняка оценит это.

Авторское примечание: Почему не сделать динамит или даже TNT? Потому что древо технологий нельзя щёлкать просто так. Индустриализация требует колоссальных накоплений, и это не решается одним «открытием» в одной дисциплине. Технологический уровень династии Великая И держится в районе 1600-1700 годов, где-то выше, где-то ниже, в целом соответствует мировому уровню конца династии Мин и начала Цин. Иными словами, время вокруг рождения Ньютона. Нитроглицерин получился чисто случайно, а до военного применения ему ещё далеко.

<http://bllate.org/book/16827/1547539>